

ФРЕЙДИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ БАХТИНЫХ

Из всего наследия братьев Бахтиных изученным можно назвать только наследие младшего, Михаила Бахтина. Часть их биографии, а именно дореволюционный период, совпадает практически полностью: одни и те же именитые преподаватели (Н. О. Лосский, Ф. Ф. Зелинский – самые известные из них) в одних и тех же университетах, сходная тематика некоторых сочинений, но различное окружение в зрелые годы и различные позиции по определенным вопросам, – все это создает благодатную почву для сравнения их наследия. Тем более удивительным кажется то, что такого сравнения практически никто не проводил. Чуть ли не единственная заметная публикация, ставящая своей целью компаративистику их наследия, принадлежит Г. Л. Тульчинскому и начинается как раз с таких слов: «То, что сопоставление философских позиций старшего и младшего братьев Бахтиных до сих пор не стало предметом пристального и систематического анализа – обстоятельство поистине удивительное»¹. В литературе, посвященной Михаилу Бахтину, имя Николая фигурирует, как правило, только в качестве биографической отсылки, без какого-либо анализа его идей, литература же, посвященная Николаю Бахтину, практически отсутствует.

Николай и Михаил Бахтины родились с разницей в один год (Николай – старший) и учились на историко-филологическом факультете сначала в Одесском, а затем Петербургском университетах. В петербургский период они попали под влияние одних и тех же преподавателей, из которых стоит особенно выделить Фаддея Зелинского. Преподаватель словесности и блестящий эллинист, он сумел навсегда заинтересовать обоих Бахтиных не только филологией, но и эллинизмом. Братья оба отзывались о нем с теплотой и благодарностью, как Николай в своем эссе («Ф. Ф. Зелинский», написанном по поводу издания французского перевода одного из научных трудов Зелинского), так и Михаил в беседах с В. Д. Дувакиным².

Гражданская война разлучила братьев, им больше не суждено было встретиться, оставалась только переписка, которую

---

¹ Тульчинский Г.Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // URL: hpsy.ru/public/x3084.htm

² Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. – М., 1996. С. 44–45.

приходилось вести зачастую через третьих лиц. Не доучившись в университете, Николай перешел в кавалеристское училище, воевал в белой армии и вместе с ней же и эмигрировал. Оказавшись во Франции, он записался в Иностраннный Легион и отправился воевать в Африку. Но отслужить положенные по контракту пять лет ему не удалось: он получил тяжелое ранение и больше не вернулся к столь активному образу жизни. Пребывание в Легионе оставило свой отпечаток на его философских взглядах: немалая часть его эссе посвящена описанию и анализу того духовного братства, которым ему представлялся замкнутый круг профессиональных военных.

Михаил Бахтин в годы гражданской войны находился в Невеле и Витебске, затем вернулся в Петроград и работал внештатным сотрудником в Институте истории искусств и в Госиздате, был арестован и сослан в Казахстан. Стоит назвать биографической параллелью и то, что практически одновременно с ранением Николая Михаил заболевает неизлечимой и тяжелой болезнью и остаток своих дней также проводит в эмиграции, если не внешней, как Николай, так, по выражению Тульчинского, во внутренней. Оба брата завершают свою жизнь филологами: один в Бирмингеме, второй в Саранске.

В то время как Михаил Бахтин пишет одну из своих самых известных ранних работ «К философии поступка», сходные мысли заметны и в эссе Николая тех времен. Тульчинский в своей статье «Николай и Михаил Бахтин: консонансы и контрапункты» посвятил две главы сходству их философских воззрений. И действительно, их концепции поступка, мотивации действий во много схожи: «Н. М. Бахтин удивительно созвучен идее М. М. Бахтина об “участном мышлении”, на основе которой тот в критике кантовской абстрактной метафизики нравственности мысли формулирует представление об отсутствии у человека алиби в бытии, о человеческом бытии как поступке, свободном, а значит – ответственным»¹. Если Михаил Бахтин выразил свою позицию наиболее четко в «Философии поступка», то Николай показывает как саму позицию, так и путь, по которому можно к ней прийти в «Диалоге об оптимизме». Завершает Тульчинский эту параллель удивлением: «Поразителен факт временного совпадения: процитированные эссе и диалоги Н. М. Бахтина опубликованы в 1925–1927 гг. – времени, которым датируется и “К философии поступка” М. М. Бахти-

---

¹ Тульчинский Г.Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты.

на!»¹. Значит, при всей сложности ситуации, сложившейся вокруг авторства работы Михаила Бахтина (как и центрального труда в рамках данного исследования «Фрейдизм. Критический очерк»), оба Бахтины в один и тот же период задавались одинаковыми вопросами, находили на них в чем-то схожие, если не тождественные, ответы.

Известно, что многие из работ, изданных под именами членов «круга Бахтина», не принято приписывать Михаилу, но не принято также отрицать его участие в их создании. Такая ситуация с наследием Бахтина объясняется одной любопытной биографической особенностью. На протяжении всей жизни, независимо от города, в котором ему доводилось жить, вокруг Бахтина собирався круг людей, проходили плодотворные встречи. Многие из участников создавали труды, посвященные проблемам, поднимавшимся на этих собраниях. Конечно, не велось никаких протоколов, как это было на собраниях психоаналитических обществ десятых и двадцатых годов XX в. Непростая ситуация, сложившаяся с творческим наследием Михаила Бахтина, выражается и в том, что установить точное авторство многих из его работ зачастую невозможно. Впрочем, это обстоятельство сыграло Михаилу на руку. Если бы те работы, которые он, как принято считать, написал в двадцатые годы, издал под своим именем, их провокационность в сложившейся непростой политической ситуации грозила бы ему гораздо большим наказанием, чем ссылка в Астану.

Одним из произведений Михаила со спорным авторством является статья, изначально вышедшая под именем Волошинова «Фрейдизм», в которой представлена развернутая марксистская критика популярного течения. В очерке истории психоаналитического движения, написанном в 1914 г., Фрейд писал: «В России психоанализ известен и распространен; почти все мои книги, как и других приверженцев анализа, переведены на русский язык. Но более глубокое понимание психоаналитических учений еще не установилось. Научные вклады русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительными»².

Октябрьская революция внесла свои коррективы в саму цель, ставящуюся перед психоанализом. Марксизм принимался обществом далеко не так гладко, как хотелось бы идеологам революции, и нужно было привести общество в согласие с «ли-

---

¹ Там же.

² Эткинд А. Эрос невозможного. Развитие психоанализа в России. – М., 1994. С. 112.

нией партии». Если путь, обозначенный Лениным, был направлен в сторону постепенного внедрения социализма через НЭП, а указанный Сталиным – через довольно жесткое навязывание необходимого образа жизни, то третий путь, согласно Эткинду, выбранный никем иным, как Троцким, включал в себя долгий и мучительный процесс переделывания людей. Идея Троцкого оказалось и единственной, непосредственно включавшей в себя психологические учения, в том числе психоанализ¹.

Перед всеми психологическими дисциплинами была поставлена задача создания нового человека, приспособленного к жизни в условиях социализма и коммунизма. Отсюда и повышенный интерес к детскому возрасту «анализируемых», поэтому долгое время почти единственной активной научной организацией, ставящей психоаналитические эксперименты, был «психоаналитический детский дом-лаборатория «Международная солидарность».

Другой стороной существования практически любой науки в советском обществе была жесткая необходимость доказать собственную совместимость с марксистским учением. Так, в протоколе заседания Казанского общества психоаналитиков в 1922 г. была запись о том, что между методом Маркса и методом Фрейда есть сходство: «1) оба они насквозь аналитичны; 2) оба занимаются человеческим бессознательным; 3) объектом и того, и другого является личность в ее социальной и исторической детерминации; 4) оба изучают динамику»². Эта линия наравне с реальными психоаналитическими экспериментами и трудами развивалась вплоть до разгрома психоанализа в 30-х годах, не последнюю роль в котором сыграла статья Волошинова «Фрейдизм». Доказывали уместность психоанализа (как в чистом виде, так и в образе педологии) в марксистской науке многие выдающиеся личности. Среди них стоит назвать Павла Блонского, Адольфа Иоффе, Арона Залкинда, Александра Лурию. Методы, которыми приходилось отстаивать право психоанализа на существование в новой России, и их результативность были подробно описаны Волошиновым (Бахтиным).

В завершающей части статьи учение Фрейда обвиняется в «пансексуализме» (что является закономерным и популярным аргументом против фрейдизма), недостаточном объективизме, отказе от главенствующей роли социально-экономических де-

---

¹ Там же. С. 231.

² Там же. С. 218.

терминант в становлении личности и прочих несомненных, с марксистской точки зрения, недостатках. В последней, десятой главе статьи Волошинов (Бахтин) уже напрямую подводит итоги попыток связать психоанализ и марксизм.

Так, идеи А. Б. Залкинда о потенциальной схожести рефлексологии Павлова с психоанализом не показались Волошину (Бахтину) в достаточной степени убедительными, несмотря на поддержку Троцкого: «И Павлов, и Фрейд считают, что “дном” души является ее физиология. Но Павлов, как водолаз, опускается на дно и кропотливо исследует колодезь снизу вверх. А Фрейд стоит над колодцем и проникательным взглядом старается сквозь толщу вечно колеблющейся, замутненной воды разглядеть или разгадать очертания дна»¹. Впрочем, претензии Волошинова к Залкинду имеют свою аргументацию: та концепция, которую предлагает Залкинд, кажется Волошину местами просто «рефлексологизацией фрейдизма» (в которой почти совершенно изживается психоанализ) или же просто заменой терминов, которая не приводит к синтезу рефлексологии и фрейдизма².

Идея Б. Э. Быховского о «бессознательном воспроизведении фрейдизмом исторического материализма» также не кажется Волошину (Бахтину) убедительной, так как «не поддается доведению до сознания»³. А. Р. Лурии не удалось доказать правомерность рассмотрения психоанализа как системы монистической психологии. Как становится видно из самой тематики статьи Волошинова (Бахтина), основной задачей критической литературы о фрейдизме того времени было доказательство совместимости или несовместимости психоанализа и марксизма.

Диагнозом же, поставленным в последней части десятой главы, становится «психоанализ плоть от плоти, кровь от крови разлагающейся буржуазной идеологии... марксистские апологии фрейдизма, решая свою безнадежную задачу соединить несоединимое, принуждены разрывать это органическое единство (пусть и большого организма), вырывать из него отдельные элементы и мотивы, которые вне целого видоизменяют или теряют свой смысл»⁴. При такой постановке задачи точка зре-

---

¹ Там же. С. 228.

² *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. – СПб., 1995. С. 188.

³ Там же. С. 178.

⁴ *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. – СПб., 1995. С. 189.

ния Волошинова (Бахтина), бесспорно, кажется правдоподобной.

В довершение разбора статьи, представляющей собой наиболее научную и основательную критику фрейдизма с позиции марксизма, было бы уместно привести цитату Фрейда, критикующую советскую интерпретацию и реализацию марксизма: «В своем осуществлении в русском большевизме теоретический марксизм нашел энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется. Будучи первоначально сам частью науки, опираясь в своем осуществлении на науку и технику, он создал, однако, запрет на мышление, который так же неумолим, как в свое время в религии... Произведения Маркса как источник откровения заняли место Библии и Корана, хотя они не менее свободны от противоречий и темных мест»¹. Эта цитата позволяет получить представление о том, почему Волошинов (Бахтин) (а также и вся советская наука) пришел именно к такому решению по вопросу фрейдизма, почему просто не мог прийти к другому².

Напрямую фрейдизму посвящена всего одна работа Николая. Она была опубликована как часть цикла «Из жизни идей» (название повторяет заголовок цикла статей Фаддея Зелинского, учителя Бахтиных) и называется «Успехи фрейдизма». В этой статье Николай рассуждает в основном о проблемах, коснувшихся распространения фрейдизма во Франции, приводит пример из истории распространения психоанализа в России. И действительно, во Франции фрейдизм ко времени написания этой статьи не был популярен. Опыт же детской театральной постановки, прошедшей в России, описан Бахтиным как беспрецедентный в своем роде психоаналитический эксперимент: «В Петербурге додумались до “психоаналитической постановки”. В одной из школ удалось разыскать, на предмет опыта,

---

¹ Зигмунд Фрейд и русская мысль. – М., 1994. С. 414.

² В дальнейшем взгляды Михаила на фрейдизм изменились. В Астане, в рамках серии интервью, взятых Дувакиным у Михаила, есть следующий отрывок: «Д: А как вы относитесь к фрейдизму? Б: Ну, видите ли, ну как я к нему отношусь? Во всяком случае, это один из величайших представителей XX века был, конечно, гениальный открыватель. Его можно поставить рядом – ну с кем?.. ну, с... Господи Боже мой!.. с Эйнштейном. Обычно так его и ставят. Да... Фигура грандиозная. Другое дело – можно не соглашаться с его направлением, но то, что ему удалось раскрыть нечто, чего до него не видели и не знали, – это не подлежит никакому сомнению. Это именно открыватель, и великий открыватель» (Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. – С. 204).

“очаровательную девочку и шесть влюбленных в нее мальчиков”. Они должны разыграть на сцене вполне реальный и действительно переживаемый ими роман... остается только сожалеть, что у нас, в буржуазной и косной Европе, нет под руками столь удобного материала, как дети советских школ, над которыми можно безнаказанно и безответственно предаваться самой рискованной психологической вивисекции»¹.

Также из опубликованных материалов Николая Бахтина можно отметить два эссе: «Метапсихика» и «Четыре фрагмента».

В «Метапсихике» Николай берет за начальную точку своей мысли высказывание Бергсона: «Я спрашивал себя иногда, что произошло бы, если бы наука вместо того, чтобы исходить из математики и ориентироваться в направлении механики, астрономии, физики и химии, вместо того, чтобы сосредоточивать все свои усилия на изучении материи, с самого начала отдалась бы познанию духа... Тогда у нас была бы психология, относящаяся к теперешней психологии, как современная физика относится к физике Аристотеля»². В оставшейся части работы Николай описывает картину светлого психологического будущего, в рамках которого все современные ему психологические теории оказываются лишь проходными. К этим теориям он относит и фрейдизм: «За последние десятилетия все значительнейшие усилия сводятся собственно к одному: прорваться с периферии к центру, охватить все многообразие психической жизни»³.

Два из «Четырех фрагментов», первый и последний, посвящены соответственно осязанию (причем с легко читающимся эротическим подтекстом) и роли смерти в культуре. В первом фрагменте Бахтин противопоставляет «незаинтересованное, чистое, безвольное созерцание»⁴ другому познанию, гораздо более эротичному: «Познать этот мир, как знают тело любимой: всей мудростью осязающего вожделения». Симпатии Николая совершенно очевидным образом принадлежат «осязающему вожделению». В четвертом фрагменте Николай сравнивает эллинистическую культуру с древнеегипетской, отталкиваясь от способов захоронения, принятых в этих культурах. В эллинистической культуре труп вызывает отвращение и должен быть захоронен и спрятан от посторонних глаз, в то время

---

¹ Бахтин Н. *Философия как живой опыт*. – М., 2008. С. 122.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 57.

как в древнеегипетской труп должен быть сохранен в как можно более лучшем и доступном состоянии – забальзамирован. В одной культуре о трупе нельзя вспоминать, в другой нельзя забывать. Это прекрасная иллюстрация фрейдистского высказывания о том, что большая часть запретов в культуре связана с либидо и танатосом. В трактовке Николая «осязание» подавлено ролью удаляющих от объекта чувств – зрения и слуха, играя в культуре роль, сравнимую с подавленным либидо во фрейдистской концепции. То, как в разных культурах принято относиться к трупам, к их погребению, прекрасно иллюстрирует скрытые мотивы культуры, их нужно только проанализировать с помощью методов, довольно схожих с фрейдистскими¹.

Резюмируя сказанное как о братьях Бахтиных, так и о фрейдизме в их творчестве, можно привести некоторую подборку исторических фактов и размышлений других признанных философов XX в. на ту же тематику.

Фрейдизм, возникший в начале XX в., прошел сложный период становления и изменения. Ко времени смерти Фрейда психоанализ еще не остановился в своем развитии. Ему предстояло быть переосмысленным многими другими течениями и многими авторами. Европейская гуманитарная наука породила тот синтез, саму возможность которого отрицал Волошинов в своей статье, синтез марксизма и фрейдизма. Конечно, понимание марксизма у Волошинова и, к примеру, у Жака Лакана было различным по своей сути. То, что Волошинов называл марксизмом, было исключительно советской вариацией марксизма. Фрейдизм в Советском Союзе не мог прижиться и не прижился. Отдельные отголоски его, как психологического учения, неизбежно существовали, но ни научного сообщества, ни научной литературы по фрейдизму не могло быть. В более либеральной по отношению к фрейдизму (за исключением нацистских периодов в некоторых странах, когда фрейдизм принимал не менее причудливые формы) Европе в то же время возникали и утверждались идеи, представлявшие собой варианты переосмысления учения венского доктора с позиций той или иной философской системы или какой-либо науки, будь то литературоведение или что-то еще.

Неудавшийся в СССР, но в принципе возможный синтез марксизма и фрейдизма был необходим, что подчеркивает Фуко в предисловии к «Анти-Эдипу» Делеза, начиная его такими

---

¹ См.: Там же. С. 59–61.

словами: «В период 1945–1965 годов (я имею в виду Европу) существовал определенный тип правильного мышления, определенный стиль политического дискурса, определенная этика интеллектуала. Нужно было быть накоротке с Марксом, в своих мечтаниях не слишком отдаляться от Фрейда и обращаться со знаковыми системами – то есть с означающим – со всем причитающимся им почтением»¹.

Безусловно, фрейдизм – далеко не единственное течение, анализ которого можно найти у обоих Бахтиных, и, отталкиваясь от него, провести сравнение. Тем не менее, этот анализ показывает, как отнеслись к фрейдизму два человека с общей биографией, общими учителями и схожими во многом взглядами.

---

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург, 2008. С. 5.